

Б. САВУКИНАС

К ПРОБЛЕМЕ ЗАПАДНОБАЛТИЙСКОГО СУБСТРАТА В ЮГОЗАПАДНОЙ ЛИТВЕ

Под „западнобалтийским субстратом“ тут понимаются реликты ятвяжской топонимии и антропонимии. Отнести ятвяжский диалект к континууму западнобалтийских диалектов дают право выводы многих лингвистических исследований. Эта статья — попытка этимологически проанализировать ятвяжские реликты на территории югозападной Литвы с точки зрения системного подхода и тем самым проверить применимость некоторых методов в изучении субстратной топонимии.

1. Ятвяжский субстрат обычно изучается по топономастическому материалу, который состоит из двух пластов неодинаковой достоверности:

1) 38 антропонимов и 26 топонимов, засвидетельствованные историческими источниками, собранные и снабженные лингвистическими комментариями Г. Геруллисом¹ и К. Бугой²;

2) топонимы, большей частью гидронимы, из современных литовских, польских и белорусских говоров, лингвистическим анализом выделяемые как ятвяжские реликты³.

Уже из списка К. Буги⁴, снабженного древнепрусскими и литовскими параллелями, явствует общебалтийский характер многих ятвяжских названий. К такой категории надо отнести антропонимы: *Ab-dang(a)s*, *Bar-utis*, *Dirk-ōt-(a)s*, *Galm(a)s*, *Ged-ēt(a)s*, *Jund-il(a)s*, *Kanti-gird(a)s*, *Nē-bar(a)s*, *Rus-einis*, *Skarīs* и др.; топонимы: *Būr-elā*, *Dain-avō* | *Dein-avō* (> *Denowe*), *Luk(a)s*, *Mēta* и др.

¹ G. Gerullis, Zur Sprache der Sudauer-Jatwinger, — Festschrift Adalbert Bezzenberger, Goettingen, 1921.

² К. Вūга, Rinkiniai Raštai, III, Vilnius, 1961, 136—150 (в дальнейшем — RR III).

³ RR III 150, 133—135; К. О. Falk, Wody Wigierskie i Nuciańskie, I, Uppsala, 1942; Я. Отрембский, Язык ятвягов, ВСЯ V 3.

⁴ Там же 136, 150. Даем здесь реконструированные К. Бугой формы, в которых отдельные фонетические отклонения от общебалтийских архетипов весьма предположительные.

Эти названия, весьма убедительно свидетельствуя о балтийском характере ятвяжского диалекта, не дают никакой информации о его специфических чертах.

Гидронимы и топонимы югозападной Литвы, считающиеся на основе ряда этимологических исследований специфически ятвяжскими, отнюдь не все могут такими считаться при более последовательном этимологическом анализе с учётом системных связей балтийской гидронимии, что видно, скажем, из примера *Bīlsas* и *Dūlgas*.

*Bīlsas*⁵ оз. (Leipalingis). Я. Отрембский⁶, связывая это название с русским апеллятивом *белесый* 'беловатый', находит между ними прямое соответствие, позволяющее ему реконструировать ятвяжское прилагательное **bilsas* и заключить о переходном характере ятвяжского диалекта.

С нашей точки зрения в системе балтийской гидронимии *Bīlsas* неотделим от группы названий с корнями *bal-s-/bel-s-*, которые надо считать балтийскими апофоническими вариантами (*bāl-/bal-/bel-/bēl-/bil-*) от и.-е. корня **bhel-/*bhol-*. В балтийской гидронимии встречаются все варианты этого корня с разными расширителями (детерминативами). В данном случае имеем варианты с расширителем *-s-*, соответствия которым существуют и в индоевропейской гидронимии⁷: *bal-s-* (*Bāls-ē* р., *Bāls-is* оз., *Bāls-is* оз., *Bals-ỹs* оз., UEV 13); *bel-s-* (*Bēlz-gis* р. < **Bels-gis* UEV 16); *bil-s-* (латышск. *Bīls-kalniņš* гора⁸).

Корень *bal-/bel-/bil-* в свою очередь неотделим от лит. *bāl-as/bāl-tas* 'белый', *bāl-svas* 'беловатый', латышск. *bāl-s* 'беловатый', *bal-ts* 'белый' и тем самым от лит. *bal-à* (|| *bel-á* LKŽ 1603) 'болото', что весьма убедительно доказано Э. Френкелем⁹. Значит, семантическое поле балтийского корня *bal-/bel-/bil-* включает в себя не только значение 'белый', но и значение 'болото'.

Из выше сказанного видно, что соответствие *Bīlsas : bēlesy* надо считать балтийско-славянским, а не ятвяжско-славянским.

⁵ До сих пор ещё окончательно невыяснена интонация этого гидронима. Я. Отрембский обычно подает название с акутовой интонацией, в других источниках оно зафиксировано с циркумфлектированной интонацией. В дальнейшем мы даём это название с циркумфлектированной интонацией, которую мы считаем более реальной (по данным проверки на месте) и которая также легко объясняется как результат закономерной метатонии (ср. лит. *bālsvas*).

⁶ Указ. статья, ВСЯ V 4–6.

⁷ Н. Krahe, *Unsere ältesten Flussnamen*, Wiesbaden, 1964, 54.

⁸ J. Endzelīns, *Latvijas PSR vietvārdi*, I (1), Rīgā, 1956, 110 (в дальнейшем — LV).

⁹ E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg-Göttingen, 1955 и след., 30 (в дальнейшем — LEW).

Dūlgas оз. (Leipalingis). Я. Отрембский¹⁰ этот гидроним считает прямым соответствием славянскому архетипу **dǫlgǫ*/**dblgǫ* 'доглий'.

На наш взгляд, гидроним *Dūlgas* неотделим от древнепрусского названия озера *Dulgen*¹¹ и латышского названия болота *Duļģis* (LV I 236). Как видим, широкий ареал этого названия, охватывающий территорию и западных и восточных балтийских языков, сам собой исключает возможность искать в нем диалектный апеллатив, показывающий признаки переходного характера между балтийскими и славянскими языками.

Корень *dul-g-*, видимо, этимологически неотделим от гидронимического корня *dul-*, с разными расширителями: *dul-b-*, *dul-k-*, *dul-v-*, встречаемого в таких названиях, как лит. *Dūl-pis* р. (< *Dūl-upis*), *Dul-upỹs* р., *Dul-b-is* оз., *Duļ-k-upis* р. *Dul-v-as* р. (UEV 35); латышск. *Duļ-b-is* бол., *Duļ-purvš* бол. (LV I 236); др.-пр. *Dul-kam* дер., *Dulo-kaum* дер. (ON 32).

Соответствие этому гидронимическому корню можно найти в этимологически родственных¹² апеллативах: лит. *dūl-iava* 'мгла с моросью', *dūl-is* 'морось, перепадающий дождь', *dūl-k-ti* 'моросить', *duļ-k-as* 'мгла', *dul-v-ėti* 'тлеть, плесневеть'; латышск. *dul-s* 'темный, темного цвета', *duļ-k-ains* 'мутный, тусклый, дождливый, ненастный', *duļ-k-e* 'отстой, осадки, мутная жидкость, грязь'.

Морфема *-ga-* в гидрониме *Dūl-ga-s* объясняется, как возможно апеллативный суффикс, ср. лит. *stō-ga-s* 'рост, крыша', *žió-ga-s* 'кузнечик'¹³.

Из выше изложенного видно, что гидроним *Dūlgas* связывать со славянским прилагательным **dǫlgǫ*/**dblgǫ* не позволяют показания балтийской гидронимической системы, а считать его изолированным нет основания.

Итак, анализ гидронимов *Bilsas* и *Dūlgas* с учётом всех возможных их системных связей с балтийской гидронимией приводит к выводу, что они не показывают ятвяжско-славянских изолекс и что их надо отнести к общебалтийскому пласту гидронимов, поскольку они не проявляют никаких диалектных черт.

Aīnas оз., **Alnà** р. (Lazdijai). Эти гидронимы К. Буга¹⁴, связывая их с др.-пр. **Ālna* р. (нем. *Alle*, польск. *Łana*), считает специфически ят-

¹⁰ Указ. статья, ВСЯ V 5.

¹¹ G. Gerullis, Die altpreußischen Ortsnamen, Berlin u. Leipzig, 1922, 32 (в дальнейшем — ON).

¹² LEW 109.

¹³ P. Skardžius, Lietuvių kalbos žodžių daryba, Vilnius, 1941, 102 (в дальнейшем — ŽD).

¹⁴ RR III 414.

вяжскими в силу их циркумфлектированной интонации, имея в виду соответствие лит. *ál-* : др.-пр. *aļ-*. Но так как названия *Aļ-nas*, *Al-nà*, на наш взгляд, этимологически неотделимы от таких литовских гидронимов, как *Aļm-ajas* оз., *Aļ-mė* р., *Aļ-nė* р., *Aļ-trakas* р. (UEV 5), имеющих также циркумфлектированную интонацию, то трудно доказать, что *aļ-* является ятвяжским соответствием литовскому *ál-*. Здесь, видимо, имеет место только словообразовательная метатония (ср. хотя бы лит. *šal-t-as* ‘холодный’ : *šal-nà*, асс. *šal-nq* ‘заморозки’). Значит, гидронимы *Aļnas*, *Al-nà* считать специфическими ятвяжскими нет основания, а по образовательной модели приходится отнести их к пласту общебалтийских названий, ср. ещё лит. *Aļ-nė* р.

Методологические принципы этимологизации гидронимов, опирающиеся на системный подход, требует учесть связи гидронима (или топонима) с топонимическим контекстом всего данного этнолингвистического ареала. Считая для ятвяжской гидронимии тавтогенным (в силу её балтийского характера) весь гидронимический контекст внутри балтийского ареала, невозможно при анализе её обойтись без сравнения литовского, латышского, куршского, древнепрусского и днепробалтийского гидронимических контекстов. Этот методологический принцип опирается на выводы лингвистических исследований балтийской гидронимии, показывающие, что основные модели образования водных названий и гидронимический словарь-минимум сложились в общебалтийский период (или по терминологии В. Мажюлиса — в период древних контактов¹⁵), а диалектизмы в балтийской гидронимии, должно быть, возникли гораздо позже, и при том не создавая отдельных систем, а только подсистемы в рамках древней балтийской системы, иначе говоря, диалектные контексты являются только вариациями балтийского контекста, с немногочисленными образовательными инновациями.

Таким образом, исследование ятвяжской гидронимии (и топонимии) должно ставить себе цель вскрыть следующие пласты:

- 1) названия общебалтийского характера;
- 2) названия с ятвяжскими признаками;
- 3) позднейшие суперстратные литовские или славянские названия.

С точки зрения такой стратификации целесообразно проверить все предположительно (по их ареалу) ятвяжские названия, считаемые некоторыми исследователями по их лексикологическим и этимологическим соображениям специфически ятвяжскими.

¹⁵ V. Mažiulis. Linguistic notes on baltic ethnogenesis, Moscow, 1964, — VII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, 1.

Выше уже выявлена часть ятвяжских названий несомненно общебалтийского порядка. Конечно, список таких названий, можно продолжать.

2. Из выше проанализированных названий явствует недостоверность лексикологических суждений, которая заключается в том, что при отсутствии письменных свидетельств невозможно доказать, что определенное слово бытовало только в том или ином определенном этнолингвистическом ареале. Невозможно с полной компетентностью утверждать, что слово характерно именно лишь для одной группы балтийских диалектов, и что оно отсутствовало в других диалектах. Так, скажем, обстоит дело и с реконструированным прилагательным **bilsas* — наличие гидронимов с этим корнем в разных балтийских диалектах показывает его общебалтийский, а не ятвяжский характер.

Что касается ятвяжской топонимии, то даже *Kirsnà* р. на основе только определенных чисто лексических показаний нельзя с достоверностью считать западнобалтийским словом, так как др.-пр. *kirsnan* чёрный имеет свое литовское соответствие *kéršas* и, видимо, **kirš(n)as* что показывает соответствующие гидронимы: *Kiřš-inas* р., *Kiršnó-upis* resp. *Kir(k)šnó-upis* р., *Kiřš- Valkis* р. (UEV 75). Следовательно, название *Kirsnà* можно отнести к западнобалтийским (в данном случае к ятвяжским) названиям только в силу фонетического соответствия: после *r* в древнепрусском обычно бывает *s*, а в литовском *-š* (ср. ещё др.-пр. *wers-tian* 'телёнок' и лит. *veřšis* 'т.с').

Таким образом, достовернее изучать субстратные реликты генетически близкой топонимии по фонетическим признакам, нежели по чисто лексическим. Название озера *Azãgis* и название населенной местности *Bérznykas*, отнесенные К. Бугой¹⁶ к ятвяжской топонимии, имея в виду такие литовские соответствия, как *Āžagis* оз. и *Béržininkai* дер., в силу закономерных фонетических соответствий (др.-пр. и ятв. *z*: лит. *ž*) должны считаться специфически ятвяжскими. Это касается также названия озера и городка *Jižznas* (ср. лит. *Iėžesta* р. UEV 55), см. ещё К. Vūga RR III 609—10, где оно подано в форме *Jėznas*, встречаемой в говорах югозападных дзуков.

Опираясь на западнобалтийские-литовские фонетические соответствия, список специфически ятвяжских названий можно пополнить новыми примерами.

1. **Peřs-as** оз. (Seirijai), ср. др.-пр. *Pars-e* оз., *Pers-em* назв. нас. м., *Pers-es* лес, *Pers-ink* оз. (ON 115,120) и *Pers-ante* р. (в Померании); лит.

¹⁶ RR III 134.

Perš-okšnà р., *Pirš-enas* оз., *Žemė-perša* р., *Parš-ēlis* оз., *Pař-ežeris* оз., *Pař-upis* р. (UEV 118, 123, 125); латышск. *Pers-ēja* р., *Pērs-e* р. (BgRR III 537); дн.-балт. *Перес-на* р., *Перес-тна* р., *Пери-ница* | *Пери-нина* р.¹⁷: лит. *pra-paršà*, *pró-perša*, *prã-paršas* ‘бездна’; ср. также лат. *porca* ‘борозда’, др.-в.-нем. *fur(u)h*, др.-англ. *furh*, др.-исл. *for* ‘борозда, ров’, др.-и. *párs-āna-* ‘бездна, углубление’: и.-е. **perk-/prk-* (балт. апофония: *parš-/perš-/pirš-*).

2. **Veis-iējis** оз. (Veisiejai), ср. др.-пр. *Weyss-en* оз., *Weis-pelke* р., *Weys-icke* р. (ON 198); лит. *Vieš-à* р., *Vieš-dauba* р., *Vieš-ētė* р., *Vieš-ià* р., *Vieš-is* оз., *Vieš-intas* оз. *Vieš-muõ* р. *Vieš-vė* р., *Vieš-v-ilė* р. (UEV 194); латышск. *Vies-īte* р. (древнепрусскому и латышскому *s* < и.-е. **s* в литовском соответствует *š* после *i*, *u*¹⁸, а лит. *vieš-* < **veiš-*): лит. *vieš-muõ* ‘родник, неглубокое и узкое место в реке, где быстро течет вода’, латышск. *vīs-la/vīs-le* ‘морось’ (с апофонией *ie* | *i* | *ī*): и.-е. **ueis-/uis-*¹⁹ ‘течь, выливаться’; суфф. *-ieja-*, ср. наз. дер. *Tol-iejai* (Kazlų Rūda и Joniškis), *Vern-iėjus* оз. (Aukštdvarys). П. Скарджюс (ŽD 90) этот суффикс считает заимствованным из славянских языков, но в силу его распространения в несомненно очень древних балтийских гидронимах и таких параллелей, как *Vern-iėjus/Vern-ijis* (UEV 191), его надо считать апофоническим вариантом суффикса *-ija-* (напр. *Seir-ijis* оз., *Vern-ijis* оз.). Указание Г. Геруллуса (ON 198) на др.-пр. *weysigis* ‘луг’, как прямой этимон этого гидронима, нам кажется необудительным из-за семасиологических соображений.

3. **Zāp-sė** р., **Zap-sỹs** оз. (Veisiejai), ср. лит. *Žėp-la* р. (UEV 204): латышск. (видимо литуанизм из-за *ž*) *žap-kas* ‘лужи на дороге’ (гидронимы показывают балтийскую апофонию **žap-/žėp-*), ср. авест. *gafya* ‘бездна, пропасть’, др.-и. *hāp(h)ikā-* ‘das Gähnen’: и.-е. **ghap-/ghēp-*²⁰; суфф. *-sė*, *-sja-*, ср. лит. *Bal-sė* р., *Bal-sỹs* оз.

4. **Zeb-rỹs** р. (Gudeliai), **Zeb-riūs** р. (Ūdrija), ср. лит. *Žeb-ėrė* р., *Žeb-erė* р., *Žeb-okštà* оз. и р. (UEV 203), дн.-балт. *Жаб-р-овка* (ЛАГ 187):

¹⁷ В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, Москва, 1962, 201 (в дальнейшем — ЛАГ).

¹⁸ Шире об этом см. С. Каралюнас, К вопросу об и.-е. **s* после *i*, *u* в литовском языке, стр. 113—126 настоящего изд. (с указ. литературой).

¹⁹ Об и.-е. гидронимах этого корня см. Н. Крахе, указ. соч., 50—51 и R. Schmittlein, Études sur la nationalité des Aestii, I. Toponymie lituanienne, BADE, 1948, 123.

²⁰ A. Walde, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, I, Berlin u. Leipzig, 1930, 552.

лит. *žėb-ti* 'открыть рот', латышск. (литуанизмы) *žeb-eksne* 'вязкое место', *žeb-ieksne* 'болотистое, густо заросшее кустами место в лесу' (с балтийской апофонией **žab-/*žėb*), ср. ещё др.-исл. *gap* 'weite Öffnung, Loch': и.-е. **ghab-/*ghėb*²¹; суфф. *-rja-*, *-rju-*, см. *ŽD* 362.

5. **Zem̃b-rė** р. (Miroslavas) с литовской параллельной формой *Žem̃brė*, ср. ещё др.-пр. *Zamb-re* оз. (ON 150), лит. *Žãmbas* р. (UEV 202), дн.-балт. *Земб-ик* (ЛАГ 188): лит. *žėmbti* 'резать, рвать', *žãmbas* 'край чего-нибудь, уголок' (с нормальной апофонией *žemb-/žamb-*); суфф. *-rė*, ср. лит. *Kaũp-rė* р., *Kũmp-rė* р. (UEV 71, 83).

6. **Zerv-ýlios** несколько оз. (Lazdijai), **Zerv-ýna** р. (там же), **Zerv-ýnas** оз. (1. Krosna, 2. Leipalingis), **Zerv-ýnos** бол. (*Šventežeris*), **Zerv-ýnos** дер. (*Varėna*), ср. ещё лит. *Žerv-ýnos* луг. (*Keturvalakiai*); эти названия уже имеют правильную этимологию²², по которой они считаются ятвяжскими (др.-пр. и ятв. *z*: лит. *ž*) и связываются с лит. *žerv-ėnti* 'струиться, быстро течь' (ср. ещё латышск. литуанизм *žer̃v-el-ėtiēs* 'sehr ausgelassen sein', ME IV 805, видимо, в переносном смысле) и с гидронимическим корнем *gerv-* (лит. *Gerv-ā-lė* р., *Gẽrvė* р., *Gerv-ėčia* р., *Gerv-ėtis* оз., *Gerv-ýnas* р., см. UEV 46, 47), указывая на такие фонетические параллели с чередованием велярного и палатального, как лит. *gnýbti*: *žnýbti*. Только нам кажется излишним замечание автора, где сравнивается назв. дер. *Zervýnos* также и с лит. *žervà* 'горящий уголь'. Семантику балтийского гидронимического корня *žerv-* resp. *gerv-* весьма убедительно объясняют и соответствия других и.-е. языков, ср. русск. *жерелó* 'Öffnung, Mündung, Schlund', укр. *žereló/džereló/žórlo* 'Flußbett', булг. *žreló* 'Quelle, Brunnen', др.-гр. аркад. *ζέρεθρον* 'Abgrund'²³: и.-е. **g^her-*; суфф. *-ylja*, *-yna-*, см. *ŽD* 183, 269, ср. *Zan-ylà* (UEV 201), *Upýna* (UEV 180).

3. Очевидно, фонетические критерии не применимы в тех случаях, когда исследуемые субстратные реликты ни вокализмом, ни консонантизмом не различаются от суперстратных названий, а при исследовании субстратно-суперстратных отношений близких родственных языков это случается очень часто. Ограниченная возможность применения лексикологических и фонетических критериев заставляет искать других способов для изучения субстратной топонимии. Кажется, в исследовании субстратной топонимии целесообразно применять метод ареальной типологии.

²¹ Там же 552.

²² S. Karaliūnas, *Pastabos dėl vardo Zervynos kilmės, — Zervynos, kraštotyros bruožai*, Vilnius, 1964, 136–139.

²³ M. Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch*, I, Heidelberg, 1953, 420.

Применительно к топонимии этот метод может оказываться весьма результативным, если установить ареалы определённых словообразовательных моделей, связывая их с определёнными этнолингвистическими ареалами.

На территории югозападной Литвы распространены топонимические названия, образованные по модели;

$A_x + ing-is, (-é)$, где A_x — апеллятивный или антропонимический компонент.

Сосредоточение таких названий заметил ещё К. Буга²⁴, указывая такие примеры: *Léipalingis* городок, *Pilvingis* оз., *Rūsingė* дер., *Stabingis* оз.

Список таких названий можно ещё продолжить: *Anger-ingis* луг., *Aps-ingis* оз., *Kač-ingė* дер. (Merkinė), *Kūliņgė* дер. (Ygliškėliai), *Ned-ingis* оз. и р., *Pa-šil-ingė* р. и дер. (Merkinė), *Rūd-ingė* луг. (1. Seirijai, 2. Butrimonys), *Saūsv-ingis* оз. (Alovė), *Suv-ingis* оз. (Daugai).

Ареал названий этого типа в югозападной Литве непосредственно примыкает к ареалу древнепрусских названий с адекватным суффиксом (см. карту²⁵): *Bal-ungen* оз. (ON 15, дальше только стр.), *Bert-ing* оз. (20), *Dobr-inge* р. (29), *Erl-ing* оз. (34), *Is-ing* оз. (50), *Rumb-ing* брод. (146), *Ser-inge* оз. (155), *Schill-ing* р. (161).

Такие ареально-типологические соотношения дают возможность сделать два важных вывода:

1) ареал суффикса *-ing-is(-é)* в югозападной Литве является континуацией древнепрусского ареала того же суффикса,

2) следовательно, в сумме известных ятвяжско-древнепрусских языковых общностей и эта ятвяжско-древнепруская изоморфема ещё раз убедительно показывает, что ятвяжский диалект (скорее всего континуум диалектов) генетически прямо связан с континуумом древнепрусских диалектов.

Центр ареала наиболее интенсивного распространения литовских патронимических фамилий с суфф. *-yna-* (*Aleks-ýnas*, *Kasiul-ýnas*, *Saul-ýnas*, *Vituk-ýnas*), охватывающий Лаздияйский, Капсукский, Пренский, Алитусский и Варенский районы, совпадает с ареалом топонимического суффикса *-ing-is,-é* и также примыкает к древнепрусскому этнолингвистическому ареалу, в котором засвидетельствованы антропонимы (видимо, уже патронимические фамилии) с адекватным суффиксом:

²⁴ RR III 790.

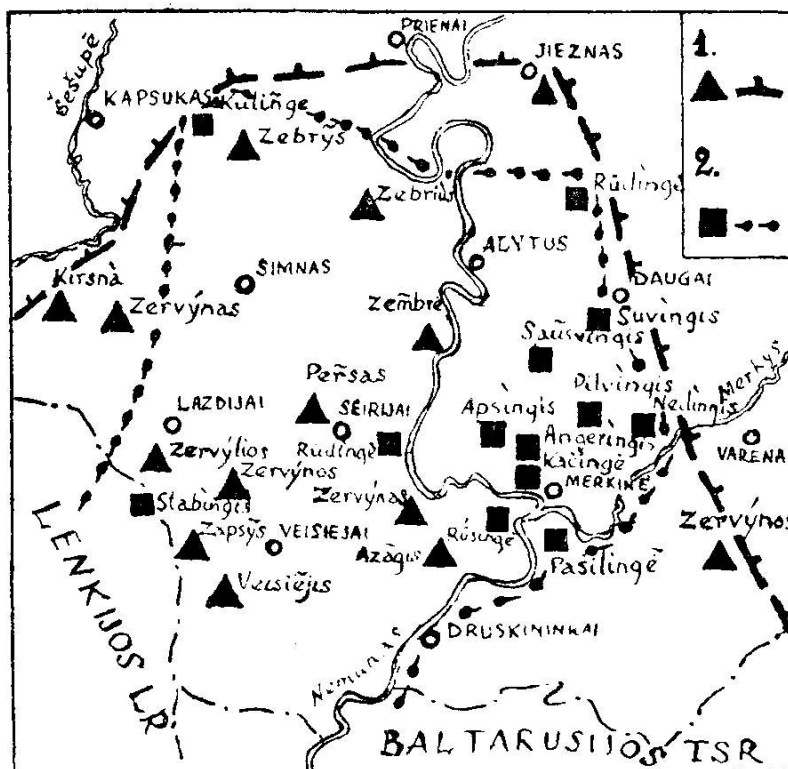
²⁵ Установление зоны распространения названий с западнобалтийским фонетическим обликом, конечно, не следует считать окончательным, так как оно основано только на предвратительных данных.

*Niclas Antor-yn, Pawel Dirsen-yn, Nicolas Kantewid-yne, Petir Kicken-yn, Nicolos Kixst-yn, Hermann Plowen-yn*²⁶...

Это ареально-типологическое сопоставление литовских и древнепрусских антропонимов с *-yn(a)-* позволяет заключить, что литовские фамилии типа *Saul'ynas* являются продуктом западнобалтийского субстрата, осуществляющегося через ятвяжский диалект. Конечно, к субстратным ятвяжским реликтам следует отнести только суффикс *-yna-*, самые фамилии в большинстве случаев должны быть уже позднейшими литовскими образованиями, что показывает их производящие основы — как правило, уже христианские имена.

Видимо, этот патронимический суффикс в фамилиях первоначально имел ту же функцию, что и в апеллятивах, встречаемых в том же ареале, ср. *gen-ynas* 'птенец дятла', *lap-ynas* 'детёныш лисы', ср. также ŽD 267.

Значит, суффикс *-yna-* в аналогичных апеллятивных образованиях, видимо, можно считать также западнобалтийским реликтом, имея ввиду его функциональную и генетическую адекватность суффиксу *-yn(a)-* в указанных др.-пр. антропонимах.

1. Название с западнобалтийской фонетикой
2. Название с суффиксом *-ingja-*, *-ingė*

²⁶ R. Trautmann, *Die altpreußischen Personennamen*, Göttingen, 1925, 15, 25, 42, 45, 77.

4. О точных границах ареала ятвяжского диалекта, как и о его специфических чертах в деталях, пока ещё рано говорить. Прежде всего надо тщательно изучить всю совокупность гидронимии, топонимии и микротопонимии в предполагаемом ятвяжском ареале-максимуме²⁷. Как видно из проанализированных здесь примеров, при изучении субстратной топонимии необходимо соблюдать такие основные методологические требования, как:

1) по возможности прецизионная стратификация топонимии в диахроническом плане на субстратную (общепольскую, ятвяжскую) и суперстратную (литовскую или славянскую);

2) осторожное и ограниченное использование чисто лексикологических суждений, так как выводы по этому методу в изучении субстрата, близкородственного суперстратному языку, мало поддаются проверке; лексикологический критерий более надежен только при сопровождении других критериев;

3) преимущественное применение методов фонетического сравнения и ареальной типологии, как самых надёжных и результативных в таком случае.

Непреклонное соблюдение (особенно важное в изучении семантики) принципов системного подхода, предостерегающих от случайных совпадений (смешивание омонимов) и позволяющих стратифицировать материал, надо считать необходимым условием в подобных исследованиях.

Результативность в изучении ятвяжского субстрата, т. е. извлечение максимума достоверной информации о специфике и ареале этого польского диалекта, зависит от пригодности методов.

Программой-максимум изучения этого субстрата надо считать установление возможного множества ятвяжских изофон и изоморфем, составление этимологического словаря-максимума специфически польской гидронимии и топонимии и на основе таких топонимических исследо-

²⁷ Такой ареал-максимум пытается установить В. В. Седов в своей статье „Курганы ятвягов“ (Советская Археология, 1964, № 4, 36–51), где автор основывается и на данных гидронимии. Следует заметить, что использование им с этой целью гидронимов типа *Jasiolda*, *Sokolda* (см. ещё К. Vūga RR III 601–2), с лингвистической точки зрения надо считать методологически несостоятельным, так как к упомянутому типу гидронимов относятся и названия, в действительности образованные по совсем другой модели (ср. хотя бы лит. *Krūvandà*, *Strūzdà*, *Tarandà* — правильная форма *Tarañdė*). Но этот вопрос требует отдельной статьи. Намечаемый В. В. Седовым польский ареал, конечно, с некоторыми поправками по лингвистическим данным, может быть принят исследователями польского субстрата для построения рабочих гипотез.

ваний прослеживание субстратных явлений ятвяжского характера в современных литовских, польских и белорусских говорах в верхней и средней части бассейна Нямунаса.

ZUM PROBLEM DES WESTBALTISCHEN SUBSTRATS IN SÜDWESTLITAUEN

(Zusammenfassung)

Vorliegender Beitrag setzt sich das Ziel, jatwingisches Namengut, das von einigen Forschern für spezifisch jatwingisch erklärt wird – also gewisse linguistische Erläuterungen von ON/GN, – unter dem Gesichtspunkt der Erforschung einer Sprache als System zu betrachten. Außerdem bemühen wir uns, die Tauglichkeit einiger Methoden für die Substratsforschung zu prüfen.

Wir versuchen die GN *Bilsas* und *Dūlgas* (die nach J. Otrębski gerade den slawischen Urformen von Appellativa *bělesy* und **dʒlgʒ* bzw. **dblgʒ* entsprechen sollen) etymologisch neu zu erklären, wobei die Beziehungen innerhalb des Systems der baltischen Hydronymie berücksichtigt werden. Die Übereinstimmungen zwischen *Bilsas* sowie *Dūlgas* und anderen GN im gemeinbaltischen Bereich erlauben zu folgern, daß diese beiden Bezeichnungen zum urbaltischen Stratum gehören und keine spezifisch jatwingischen Eigenschaften aufweisen.

Es wird bewiesen, daß der GN *Bilsas* in Ablautsbeziehungen zu den GN *Bālsis*, *Bālsė* und *Bēlzgis* steht und von den Appellativa lit. *bālas*, *bāltas*, *balšvas* und *balà* bzw. *belà* etymologisch ununterscheidbar ist.

Der GN *Dūlgas* ist u. E. etymologisch mit der baltischen hydronymischen Wurzel *dul-* verknüpft, die verschieden erweitert (*dul-b-*, *dul-k-*, *dul-v* und *dul-g-*) und ebenfalls von den Appellativa lit. *dūliava*, *dūlis*, *dūlkas*, *dulvėti*, let. *duls*, *duļkains*, *duļķe* ununterscheidbar ist. So stellt denn der GN *Dūlgas* keine Entsprechung der slaw. Appellativa **dʒlgʒ* bzw. **dblgʒ* dar.

Das Gesagte dient als Beweis dafür, daß die erwähnten GN keine jatwingisch-slawischen, sondern baltisch-slawische Isolexe zeigen.

Die Etymologien von den obigen und anderen (*Alnà*, *Kirsnà*) GN offenbaren die beschränkte Tauglichkeit der lexikologischen Methoden für die Erforschung der Substrats-Superstrats-Beziehungen zwischen nahe verwandten Sprachen. Erfolgreicher scheint die Methode der phonetischen Vergleichung zu sein. Nach ihr können die GN *Pešsas*, *Veisiējis*, *Zapsys*, *Zebrys*, *Zēnbrē*, *Zervylis* und *Zervynas* dem Stratum der spezifisch jatwingischen Hydronymie zugeteilt werden.

Jedoch scheint in unserem Falle diese Methode auch nur über begrenzte Möglichkeiten zu verfügen, weil die Lautbestände der Substrats- und Superstratssprache nur geringe Unterschiede aufweisen. Die dargelegten Umstände bringen es nahe, eine dritte Methode, nämlich die typologisch-areale, anzuwenden.

Die im Südwestlitauen angetroffenen ON/GN mit dem Suffix *-ing-is,-ė*: *Pilvingis*, *Rūsingė*, *Stabingis* (nach K. Būga), *Angeringis*, *Apsingis*, *Kačingė*, *Kūliņgė*, *Nedingis*, *Pašilingė*, *Saūsvingis* und *Suvingis* (nach dem Verfasser) stellen ein geschlossenes Areal dar, das an den Verbreitungsbereich der altpreußischen ON/GN von demselben Bildungstypus grenzt. Daraus kann man folgern, daß dieses Areal eine Kontinuation des Bereiches der altpreußischen ONbildungstypen ist. Deshalb können die „*-ing-is,-ė*“-Bildungen als jatwingische Substratsrelikte betrachtet werden.

Die heutigēn litauischen Familiennamen vom Typus *Saulėnas*, deren ursprünglicher Verbreitungsbereich mit dem Areal der *-ingis*-suffigen ON/GN zusammenfällt, sind typologisch (Suffix sicherlich auch etymologisch) mit den altpreußischen *-yn*-suffigen Personennamen (*Antoryn*, *Dirsėnyn*, *Kantėwidyne*) verknüpft und stellen als Bildungstypus die jatwingische Kontinuität dar.

Unsere obigen Ausführungen zeigen, daß die erfolgreiche Erforschung des jatwingischen Substratsnamengutes auf folgenden Prinzipien beruht: 1. auf der Stratifikation des Namengutes nach dem Substrat und Superstrat, 2. auf der beschränkten Anwendung der rein lexikologischen Methoden und 3. auf der vorzüglichen Anwendung der phonetischen Vergleichungs- und typologisch-arealen Methoden.

Die unentbehrliche Bedingung einer solchen Untersuchung u. E. ist die systembezogene Analyse.